
Вторые сутки сумрак гробовой
Над Волгой, над моею головой,
Над всем, что дорого стоит, стоит, стоит,
Он как фурункул вскроется, слои
Небесные наполнятся водой,
И дождь пойдёт холодный, но живой.

Чего я жду затравленный зверёк
Пока ты спишь и слова не изрёк,
Свободы жду, как ждут с войны детей
Седых мальчишек, ну же, пропотей,
Во сне дремучем, может быть тогда
Иссякнет дождь и заблестит слюда

На всей поверхности отмоленной земли:
От Выборга до Пскова, от Вязьмы до Перми.

Морошка

Дом стоит на куриных ножках,
Очень маленький и худой

В нём не старец живёт - Морошка,
Баба пьющая, понемножку
Люди кличат её бедой.
Дом, как дом, на него под вечер
Вечность смотрит и зреет плод:
Вот лисица, медведь и кречет
То ли сами себя калечат,
То ли смотрят друг другу в рот.
Баба в дом не пускает пришлых,
Бьёт зелёной клюкой под зад.
У неё на носу Всевышний
(Третий будет сегодня лишним)
Прорастил Гефсиманский сад.
Звери чувствуют страх и горький
Запах смерти дурманит их.
Что ж, Морошка, твой домик стойкий,
Он, как пращур стоит в сторонке
И едва задевает стих.
В нём Россия - твоя жиличка
Собирает в суму хлеба.
Так на Пасху кладут яичко
На могилу, чтоб ты, сестричка,
Знала, есть у тебя судьба.

Марфа

Я к тебе собираюсь приехать
И до первого снега успеть...
Но волшебная сыпется перхоть
На мою одинокую клеть.
– Как живёшь? Не живу - доживаю
Мне бы новые тапки, а то
В старых, знаешь ли, вечно хромаю,
Да подшить покороче пальто.
Марфа, милая, сколько дорожек
Будет в жизни идти под откос?

- Столько, сколько на небо серёжек
Мне Архангел в мешочке принёс.
- Там же нет ни одной, погоди же,
Я получше хочу посмотреть.
- Нет, Наташа, житейская жижа
Не затопит небесную клеть.

Закуток осенний, завиток листа
Вечереет небо раньше неспроста,
Смотрит прямо в душу, а душа больна
И болезнь мне эту, как бутылка вина
Не осилить к ночи, не допить до дна
Я боюсь сегодня засыпать одна.
От того, что ветер ходит ходуном,
От того, что дети плачут перед сном.
Им во сне Сонятко палочкой грозит
И дожди степные сморщилось в грязи.
Не отмоешь ручки белые сынок,
Не сплетет мне дочка времени венки.
Только будут глазки Божии как впрямь
Сквозь туман осёдлый на земную твердь
Не глядеть - молиться... Как себя ты вёл?
Не в моём ли сердце вдруг тюльпан расцвёл...

На востоке встало колесо,
Потянулось, вскоре покатилося.
Небо для меня не антресоль,
А большая утренняя милость.

Первый лучик землю разбудил,
Вдоль домов скользнул и напроказил.
Будто в речке страшный крокодил
Всех детей недобрым взглядом сглазил.

Вот овраг поскрипывает и
Шелестит листвою спросонок яшень.
День белее сваренной кутьи
Потому по-своему прекрасен.

Только мне никак не разобрать
На столе просыпанное просо.
Тихим-тихо стелется кровать
Солнечной одеждой и без проса

Паутинку вяжет паучок
Над моей седою головою.
И гремит ведёрком мужичок
Под окном с невладанной водою.

Божий мир, он тонок и любим
Как пирог на праздник русской печкой:
Если умирать, то молодым,
Если жить, то праведной овечкой...

Леониду Шевченко

Не говори мне, что свобода это блажь,
Что Родина давно на дно осела.
Вот День победы, вот поёт «Мираж»,
Не выходя из собственного тела.

Ещё не умер ночью Пастернак,
Ещё Цветаева не зацвела зимою.
Я соберу поэзию в кулак
И раскрошу над Божьей головою.

А там, гляди, и мы с тобой впотьмах
Заголосим над ветряной страной
Да так, что нимбы у святых в руках
Одной окажутся божественной струною.

В полубморочной зыбке не во сне, а наяву
Мне моя бабуля пела лишь о том, что я живу

Не карасик и рябина, не берёза и плотва,
В белом инее, что в поле самовольная трава,

По которой неизбежно ходят люли да люли.
Нынче люди не спросили разрешение у Земли.

Так меня в рассветной дымке под ладошкой у судьбы
Эти песни, эти плачи раззадорили кабы...

Я расту под звёздным иглом - не поранила ступни
И стоят над миром боги будто розовые пни.

Пахнет хвоей из-под мышки только срубленной сосны,
Спит бабулина малышка, снятся ей худые сны.

То ли ворон, то ли Воланд захватил мою страну,
Вздумал он на всех причастных переключать вину.

И пошли такие вихри, и такие чудеса,
Что покойникам – живые позавидуют. Коса

Косит травы молодые, не созревшие ещё,
Кормит кровью нас Россия, пересоленным борщом.

В полубморочной зыбке хлещет солнце через край:
"Баю-бай, моя Россия, ты живи - не умирай".

Человек

Ходит-бродит человек
По земле в простой рубахе
Он не думает о смерти,
Он не думает о плахе.
У него в кармане медь
Вместо правды горемычной:
То ли пасынок столичный.
То ли брошенный медведь.
Он забрел в такую глушь:
Здесь не времени, ни даты,
Только ангел бородатый,
Да и тот законный муж.